

Сергей БОРОВИКОВ

ЛОДКИ

1

Я слышал, что по рисункам и чертёжикам, какие человек набрасывает просто так, между прочим, скажем, во время скучного заседания, или в раздумье о чём-то своем, что по этим наброскам можно определить его характер, даже шире – натуру.

Конечно, есть люди, которые ничего бесцельно не рисуют на подвернувшейся бумажке, разве что пишут какие-то слова или цифры, но и тогда от них можно перекинуть мостик к каким-то жизненным или житейским реалиям. Я вот выводил на разных бумагах и бумажках человеческие профили, прозрачные кубы и параллелепипеды разной конфигурации, а ещё обязательно пароходы и лодки.

Ну, с профилями ясно – сколько их в жизни насмотришься, лишь поясню, что я редко пытался воспроизвести реальное лицо, а больше фантазировал.

В пристрастии к прозрачным кубам и параллелепипедам видимо сказалось моё врождённое стремление к правильности, и ещё, м.б., аквариумные увлечения.

А пароходы, лодки...

Лучшие детские воспоминания связаны с водой. Есть фото: я стою со старшим братом на волжском берегу у сходней на пристань. Мне не больше пяти лет. Год, стало быть, 1952-й. Я помню, нет, прямо-таки живу в том солнечном ветреном дне, когда по Волге часто бежали некрупные волны, трепались во множестве украшавшие дебаркадеры разноцветные треугольные вымпелы, на белоснежных бортах пришвартованных пароходов плясали солнечные зайчики, стоявшие во множестве рядами по сторонам от сходней лодки равномерно раскачивало, пахло... Чем? Наверное, мокрым деревом, смолой от днищ там и сям лежащих на берегу лодок, пароходным дымом, подгорелым маслом из ближайших забегаловок, каких было множество на пространстве от берегового песка вверх к Миллионной улице. И самой Волгой, которая всегда пахнет собой и всегда по-разному.

А в лодке на воде впервые я очутился в том же примерно возрасте. Помню узкую протоку, через которую до какого-то островка нас переправил бородатый щупленький старичок. Его лодка была плоскодонка, узкая, с смолёными бортами. На песчаном берегу меня поразили россыпи жёлто-зеленых раковин, ярко блестящих на солнце. И я стал их собирать. Босой лодочник, присевший с сигаркой на борт, сказал:

– Зачем ты это? Говна-то!

Следующие детские воспоминания относятся ко времени, когда отец завёл лодку – деревянную гулянку.

Отец, надо заметить, никогда не предавался тому занятию, с которого я начал свой текст – набросать какие-то рожицы, фигурки, домики. Если уж рисовал, то пытался делать это, безо всяких на то оснований, как бы профессионально. Выписал многотомную «Школу изобразительного искусства», в которой поэтапно преподносились уроки рисовального, а потом и живописного мастерства. Он оттуда что-то копировал или рисовал из головы пейзажи. Наблюдать его за этим занятием было жалко.

Сперва были чертежи будущей лодки. Сбоку, сверху, в разрезе, с подробнейшими цифровыми выкладками длины, ширины, объёма и всей лодки, и раздельно кабины, рундуков, ящичков и ящичков, скамеек (банок), вёсел, якорей и т.д.

И лодочные чертежи преобразились в реальность, чего не стало с планами будущей дачи, о которой отец мечтал много лет, но не хотел купить подвернувшуюся

дачу с возможной угрозой того, что дача не подойдёт, придётся её продавать, искать другую, и т. д. Сама мысль о такой перспективе была для отца невыносима. К тому же его, мягко говоря, бережливой натуре претили цены на дачи. Нет, он непременно хотел осуществить мечту, пусть не собственными, разумеется, руками, но о строительстве под личным наблюдением той дачи, которая рисовалась в его воображении.

Однажды в конце шестидесятых вдруг замаячила такая возможность. Тогда ответственный секретарь Саратовской писательской организации Н. Палькин выбил для писателей три земельных участка в самом желанном и престижном месте – неподалёку от села Пристанное, на высоком правом берегу Волги, где внизу вдоль воды тянулась полоска чистой песчаной отмели.

Отец не без основания полагал, что может претендовать на один из трёх участков.

Один, понятное дело, возьмёт себе Палькин.

Кто ещё мог стать конкурентом Боровикову?

Главным писателем Саратова был романист Григорий Коновалов, но у него был там же, но поближе к городу, обширный участок не с одним даже дачным домом.

Старейшим писателем Саратова был драматург Смирнов-Ульяновский (до 1924 года Смирнов-Симбирский), автор пьесы о Чернышевском «Великий демократ», но он по возрасту и болезням ни о каких дачах не помышлял.

Был ещё в Саратове главный редактор недавно созданного журнала «Волга», переехавший из Рязани Н. Шундик. Но ему обком на всё лето предоставлял комфортабельную комнату с ванной, туалетом и лоджией видом на Волгу, с трёхразовым питанием, в пансионате издательства «Коммунист», там же, где и новые палькинские наделы.

Значит, остаётся Боровиков, известнейший после Коновалова, старейший после Симбирского-Ульяновского, и не имеющий, в отличие от Шундика, комнаты в обкомовском пансионате.

Но Палькин распределил три участка так: один себе, другой Шундику для его старшей дочери, а третий главному редактору Приволжского книжного издательства Владимиру Гришину.

Но вернёмся к теме.

Году в 55-м отец решил на лодку и заказал её строить какому-то мастеру в Энгельсе.

Тогда автодорожного моста через Волгу еще не существовало, и добраться до левобережного Энгельса было непросто. Я хорошо помню тогдашние летние переправы, паром «Персидский»¹, на обширных палубах которого размещались и грузы, и машины, и телеги, так что погрузка-разгрузка занимала куда больше времени, чем сам водный путь, и ещё два маленьких юрких парходика «Саратов» и «Энгельс», перевозивших только пассажиров, помню и накатанную по льду зимнюю дорогу с оградительными вешками по краям.

Сейчас я, грешным делом, предполагаю, что отец не случайно нашел своего судостроителя в Энгельсе, подальше от дома. И годы спустя, купив «Москвич», он вроде бы пытался завести гараж поближе к дому, но в конце концов построил его в далёком Ленинском районе, где подолгу пропадал к маминому неудовольствию.

Отец строил так называемую *гулянку*. Я было хотел объяснить, что это за лодка, да оказывается, интернет и здесь успел, и всё там о гулянках можно найти.

Была деревянная гулянка, хоть и большая, но без каюты. Я был на ней лишь раз, ранней осенью, когда несколько дней жили в палатке на каком-то острове, где мать,

¹ Пароход носил имя одного из руководителей Республики немцев Поволжья, столицей которой был Энгельс, где и сейчас есть улица Персидского, в 20-е знаково переименованную удалением одной буквы из Троицкой в Троицкую.

зацикленная на моей возможной простуде, меня от неё предохраняла.

Пройдут годы, и основное место в маломерном саратовском флоте займут клёпаные дюралевые «Казанки», «Прогрессы», «Днепры» с подвесными моторами. А потом появятся водные чудовища с мощнейшими двигателями. Впрочем, сейчас и на прежних «казанках» всё больше стоят японские. Вот и у моего сына такой катер. Но сейчас уже не моё время, а я что-нибудь вспомню из своего.

2

В жизни я был владельцем двух лодок, точнее, совладельцем первой из них.

Когда, году в 72-73-м, мы решили с Валеркой Виноградским купить на двоих лодку, один мудрый человек сказал: поспоритесь и расплюётесь.

Так оно и вышло.

Покупали её, голубушку, в апреле, еще кое-где мелькали на воде небольшие льдины. Старик-хозяин, едва получив 400 рублей, исчез. Документов на судно не было, и даже номер на борту дед покрасил. Как мы эту лодку нашли? Искали по всем базам, расположившимся по берегу от Провиантской до Улешей, а выбирали единственно по цене.

Шестиметровая деревянная гулянка с носовой каютой. Стоянка на базе у Дегтярного взвоза.

Вспомнить почти нечего из тех двух-трёх лет.

Рыбу ни разу не ловили, никакой снасти на борту не было. Выше Дубовой гривы и ниже Казачьего не ходили.

Ну, естественно, выпивали. Ну, как-то удачно увезли двух девиц с городского пляжа на Сазанку. Ну, как-то другие девицы, натурщицы из художественного училища, где завучем была Валеркина жена, нас продинамили.

Лучшей для меня была поездка с Илюшей Петрусенко и Валерой Лисенковым. Затеяли выпить на Казачьем острове. Гурман Илюша не давал начать, пока не подготовил по своему тщательному обыкновению стол. Но и всё порезав и открыв, не позволял приступить, пока не взял с лодки большой квадрат пенопласта, положил на воду, осторожно разместил на нём закуску и предложил усаживаться вокруг на дно по горло в воде. Когда же мы подняли стаканы, он сказал, указывая на белевший в знойной дымке город: «В Европе за такое большие деньги надо отдать!»

Двигателем мы не занимались вовсе. А был он старенький Л-3, из популярной у лодочников серии движков-пускатей: Л-3, Л-6 и Л-12 (цифры обозначали мощность в л.с.). Мало что не занимались, как-то, безуспешно заводя (стартера не было, на маховик наматывали широкий тканый ремень и дергали), злобясь и матерясь, в накалённый до сумрака июльский полдень, догадались наконец заглянуть в бак, который оказался не то что пуст, но абсолютно сух.

Заправляться же тогда было просто: по берегу у воды стояли в разных местах цистерны на колёсах с самым дешевым оранжевым бензином А-66. Помню и его цену – 20-литровая канистра стоила рубль десять копеек, как бутылка самого дешёвого крымского «Ркацители».

А корпусом занялись однажды весною следующего, наверное, 74-го, года. Зимой мы продержали её недалеко от базы у горпарка, и там же надо было её подготовить к воде. С деревяшками это, как говорит молодёжь, был гемор.

Сперва корпус надо ободрать от прошлогодней покраски и засохших водорослей. А ещё между досками бортов вставлена треугольного профиля планка, которую прибивают вырезанными из жести ромбиками. И прошлогоднюю планку надо заменить новой. Мы приготовили инструмент, выстругали планки, вырезали ромбики и собрали компанию на «помочь»: мой друг Валера Лисенков и Володя Васильев с Геней Сычёвым из «Волги». Важничая друг перед другом трудовыми

навыками, мы рьяно принялись за работу, которая кипела до обеда с водкой. Потом сосед вспоминал: «Слышу: запели, всё, думаю, наработались!»

Больше «помочи» не было, мы спустили лодку, кое-как просмолив дно и покрасив, и она беспощадно текла. Мы перестали ездить на базу, кивая друг на друга, и когда однажды я спьяну пригласил две пары жениных подруг с мужьями покататься, то застал нашу несчастную посудину полузатопленной.

И мой напарник разумно предложил продать её, тем более что на базе нашёлся покупатель, предложив 200 рублей. Это мне показалось досадно, и я отдал Валере по его (он врал, что не его, а жены) настоянию половину. И с помощью Лисенкова отбуксировал посудину, кое-как осушив, на Зелёный остров, где он который год строил собственный катер. Там мне один старик предложил 100 рублей, но тут вмешался тесть Павел Петрович. Он любил порыбачить на леща в компании друга, имевшего хорошую гулянку из нержавеющей стали, и мечтал о собственной. И мы отправились с ним на Зелёный смотреть лодку, которой он прежде не видел.

Видимо, к поездке тесть уже охолонул (лодочную мечту высказывал за праздничным столом), во всяком случае всю дорогу был напряжён и недоволен, что вылилось в слова, которые мы с Лисенковым потом не раз радостно гогоча вспоминали. Едва ступив на остров, сумрачно спросил: «Это что же, здесь везде так, песок?» И спустя несколько шагов: «Мне это сразу не понравилось!» Скажи это какой-нибудь москвич, дальше МКД не бывавший, ладно, но в устах урожденного волгаря и рыбака сказанное означало, что дед давно решил отказаться, а сейчас ищет, к чему прицепиться. А искать было и нечего, лодчушка имела самый жалкий вид.

Потом я долго не выбирался на Зелёный, а когда на другое лето побывал, двигатель, бак и проч. металл уже унесли, да и корпус весь почти растащили на дрова.

3

Спустя много лет я опять купил гулянку, 9 метров, сварную, крашеную голубым, с каютой, двигатель от а/м «Москвич». Стоянка на островной базе «Рассвет» напротив Ангельса, куда от берега ходила перевозка. Была у меня с 1998 по 2003 год, для воспоминаний нужен целый очерк. Сейчас немного.

Рыбаком я и с этой лодкой не стал, хотя порой и закидывал удочки, баб уже не возил, осенью собирали по островам опята, компаний и выпивки было много, не одно лето провели с ризеном Шерой на базе «Факел» на Шумейском острове, свозили туда московских друзей Калединых, к тому же лодка стала внедрением на Волгу младшего сына, которому я доверял её лет с 16, а теперь у него и катер и подводная охота. Но много и нервов стоила мне эта, дважды тонувшая, лодка. Вот отрывочки из моего дневника.

10 октября 1998

Стало было холодать. Но вновь потеплело +10. Завтра надо ехать поднимать лодку. Как справимся?

28 августа 2001

Тот холод, которого так возжелал я. Но – лодка, надо отчерпывать воду, вытаскивать! Я трёкнусь-таки с ней.

9 сентября 2001

Вчера с Томой на «Рассвете». Ехал со страхом после 2-недельного отсутствия: утонула! Лодка в прежнем состоянии, но к воде, бывшей из течи, добавилась вода от дождей.

25 сентября 2001

Наконец отправился в Энгельс, узнал, что завтра будет Дрозд (заплачу) и Романенко – решил заплатить ему, чтобы вытащил. Ругаю себя, что в жару и сушь, скотина, не выбрался, а начались дожди, собрался.

30 сентября 2001

Позавч. Ан.Ив., гад, посмотрев мне корму (мы с Томой ездили) сказал: Григорич, не беспокойся, в Вс приезжай, мы с Петей будем, поднимем на понтоне и заварим. Сегодня к 10 приехал: ни Ан.И., ни Пети, ни Александра. Толя Романенко мне: на хуя тебе сварка, давай на понтон подними и т.д. Через минуту он уже махал с понтона: я здесь! Они – Вовик и Толя подняли корму на метр над водой, миг отхерачили крепление ловушки, но стабилизатор не пустил ее снять. Ох! Завтра еду продолжать.

2 окт. 2001

Вчера Толя, дай Бог здоровья, «помогал», т.е. я ему помогал. Ловушка на месте, 4-го должны подсоединить шланг. Дал ему 50 р.

4 окт. 2001

На Рассв. Толя присоединил шланг (я туда-сюда на карачках, отливал воду после дождя), в 2 уехал. Завтра поеду спускать на воду. День золотой, ярко-синяя вода с ровной рябью, листья, камыш стоит.

17 октября 2001

Вчера счастливый день: с Денисом и Ромой на Рассвет. Поначалу дождик, но не очень холодно. Вытянули родимую под руководством Анатолия, у которого купили за 20 р (+10) поллитра самогона. С Вовиком и Серёжей в его сарае.

22 октября 2001

Резко похолодало, утром +1, а лодка, мука моя, не укрыта, завтра поеду – один?

24 октября 2001

Снег, увы, наводит не обычный при нём покой, а тоску и уныние: лодка стоит не укрытая.

6 ноября 2001

Вчера набрался духу (и выпил в Энгельсе), поехал один, почти сделал, укрыл, лишь кабину не обвязал. М.б. еще съезжу. День золотой. И – снежные темные тучи, приглядываясь, ходят над водным простором.

Сыро, тепло. Надо бы завтра окончательно укрыть красавицу. С Пн перевозка не ходит.

13 ноября 2001

11-го был на базе. Сперва студёный ветер (на берегу) и вдруг все замерло, вышло солнце, вода сделалась пронзительно синей и стало очень тепло. Продолжалось час.

Опоздал на перевозку (последнюю в сезоне!), возвращался за червонец (единственный) и пачку сигарет на огромном катере, грубом и прочном, точно военное судно.

10 июня 2003, больница

Данила очевидно прав: от лодки надо избавляться. Какой из меня лодочник теперь уже и физически – канистру поднять нельзя.

В августе 2002 меня стукнул обширный инфаркт. А последняя запись связана с подозрением на новый, который, к счастью, не подтвердился.

Лодку продал тогда же, в 2003-м, в силу безумия цен девяностых-двухтысячных не могу вспомнить, ни за сколько купил, ни за сколько продал.

4

Размышляя о лодках, я решил, что надо посмотреть, какое место они заняли в русской литературе.

И первым делом пришёл на ум Бунин, его рассказ «Руся», где, как я помнил, герой соблазнил девушку в лодке.

И что же? Да ничего! Что за лодка, какая лодка, не говоря уж её детальном описании, на какие таким мастером был Иван Алексеевич, ни слова. Три лодочных слова на весь рассказ – плоскодонка, весло, корма: «неизбежная плоскодонка возле топкого берега», «Весло нашлось только одно и то вроде лопаты...» и, наконец, «Он, с помутившейся головой, кинул ее на корму». В правдоподобности последнего должен выразить сомнение: прогулочная вёсельная плоскодонка неглубока, корма её весьма неудобна для соития, даже и в страстном порыве.

Но зато сколько в той же «Русе» сказано о вагонном купе! «Они затворились в образовавшейся тесноте купе, разделись и с дорожной отрадой легли под свежее глянцевитое полотно простынь и на такие же подушки, все скользившие с приподнятого изголовья»; «Сине-лиловый глазок над дверью тихо глядел в темноту»; «Всё так же неуклонно, загадочно, могильно смотрел на него из черной темноты сине-лиловый глазок над дверью, и все с той же неуклонно рвущейся вперед быстротой неся, пружиня, качаясь, вагон».

В цикле «Тёмные аллеи», куда вошла «Руся», других лодок нет и в помине, даже в «Речном трактире». Мельком упоминаются лодки преимущественно в «морских» рассказах.

Я знал, что Бунин обожал железную дорогу, вокзал и особенно вагон, но решил проверить наблюдение и был поражён. В «Жизни Арсеньева» железнодорожные сцены, путевые и вагонные подробности и чувства, ими вызываемые у автора и героев, составляют едва ли не десятую часть текста, да и в «Тёмных аллеях» вагонные события происходят в трех рассказах: «Кавказ», «Руся», «Генрих».

В целом лодке не повезло в русской литературе. Ни в текстах, ни в описаниях жизни русских писателей я ничего существенного не обнаружил.

Даже у Горького, где действие часто происходит на Волге, а в рассказе «Однажды осенью» герой впервые сходится с женщиной на волжском берегу под перевернутой лодкой, собственно «лодочного» почти нет.

А в поэзии? Есть целые поэтические антологии о лодках, в одной 237 стихотворений, но они собраны преимущественно лишь по одному слову, как «любовная лодка разбилась о быт» у Маяковского.

Иностранные писатели? Есть «Трое в одной лодке» – комические злключения закоренелых горожан на воде, но чужое всё насквозь, мне, волжанину, ненужное.

И остаются навсегда гениальные строки «Играют волны, ветер свищет, / И мачта гнётся и скрипит...»